

Глава 20. Двенадцать строф Юйлоучунь

Для обитателей поместья Юй этот день выдался не из лёгких — суетливый, изматывающий и полный неразберихи.

Лишь когда всё вокруг завертелось в безумном вихре, домочадцы осознали: стоит Юй Чуцю, негласному столпу и опоре дома, слечь в постель, как их размеренная, отлаженная жизнь мгновенно превращается в сущий хаос.

С самого рассвета Ян Ихай кратко распределил обязанности, и наследники семьи Су беспрекословно взялись за дело. Четверо людей, которые прежде и дня не могли прожить без препирательств, в этот раз проявили удивительное единодушие. Болезнь Юй Чуцю сплотила их, заставив забыть о прежних обидах ради общего блага.

Ян Ихай только-только начал переговоры, когда со второго этажа спустился Су Цзытянь. Он мельком глянул на него, ожидая очередной порции ворчания или споров, но юноша даже не посмотрел в его сторону. Схватив зонт, он поспешно выскочил за порог и скрылся в стене дождя.

Ян Ихай хотел было крикнуть ему вслед, чтобы тот надел соломенный плащ — ливень был такой силы, что обычный зонт едва ли мог спасти, — но присутствие гостей сковывало его. Ему пришлось нацепить на лицо вежливую улыбку и изображать глубокую заинтересованность в словах торговцев солью. В голове же вертелась лишь одна мысль: как бы вытянуть из этих дельцов побольше денег, чтобы с лихвой окупить расходы на лекарства для Юй Чуцю.

К сожалению, эти двое оказались тертыми калачами. Ян Ихай сражался один против двоих. Переговоры затянулись: утро сменилось полуднем, а торговцы не уступали ни на пядь. Сговорившись, они изо всех сил старались минимизировать свои убытки, а значит — предлагали до обидного низкую цену.

То, что в прошлый раз Ян Ихай удалось сорвать куш, вовсе не означало, что он не знал, как тяжела жизнь. Выросший в борделе, с юных лет приученный развлекать гостей улыбками, он наглядился на бесконечные банкеты и знал толк в уловках и светских маневрах. Но всё это было лишь теорией, не подкреплённой личным опытом.

Дело продвигалось со скрипом. Под раскаты грома Ян Ихай мерил шагами зал, то и дело замирая у порога и глядя на «водопады», стекающие с крыши. Он невольно посмотрел на второй этаж, к комнате Юй Чуцю.

На подоконнике там поникла благородная кливия, истомлённая многодневной сыростью.

Ян Ихай горько усмехнулся про себя.

«И впрямь, цветок — под стать красавцу, а красавец — нежнее цветка...»

Придя к какому-то решению, он невозмутимо вернулся на место. Сделав медленный глоток чая, он краем глаза заметил, как торговцы заерзали, сбитые с толку его внезапным спокойствием.

«Ну что же, — подумал Ян Ихай, — вы не спешите, и я не буду! Сбыть товар нужно вам, и это ваше состояние превратится в прах, если не договоримся. Посмотрим, кто кого пересидит».

Для Су Цзычуань, единственной женщины в доме, этот день тоже выдался тяжёлым.

Послушавшись Ян Ихая, она смиренно поднялась на второй этаж, помогла двоим сорванцам умыться и одеться, а затем, перемежая уговоры угрозами, привела «Малышей Сун» в чувство. Лишь когда те мало-мальски присмирели, она взяла их за руки и повела вниз.

Спускаясь по лестнице, она заметила Ян Ихая. Тот хоть и сидел в зале, но мыслями явно был в комнате напротив: каждые пять минут он смотрел на дверь Юй Чуцю, а каждую четверть часа вскакивал, подходя к дверям в ожидании лекаря.

При этом на лице его играла безупречная улыбка. Будто ни в чём не бывало, он продолжал спорить с торговцами о цене, ни в какую не соглашаясь на их условия.

Су Цзычуань сразу поняла: Ян Ихая сейчас приходится несладко. Крепче сжав ладошки Сун Цяня и Сун Ли, она негромко наказала им сегодня и носа не показывать в зал, а играть только на заднем дворе.

Малыши, ещё не проснувшиеся толком, сонно закивали и поплелись за ней.

Разместив их в своём дворике и строго приказав не разбегаться, Су Цзычуань бросилась на кухню. Носить воду, рубить дрова, чистить овощи — она без единого слова жалости выполняла ту работу, которую прежде презирала всей душой.

Едва она закончила с первой горой дел и присела перевести дух, как увидела во дворе двух чумазных «обезьянок». Дети, промокшие до нитки, самозабвенно возились в грязи.

— А ну стоять! — вскричала Су Цзычуань.

Она выскочила во двор и, уперев руки в бока, яростно уставилась на Сун Цяня и Сун Ли, возводивших грязевые замки.

Сун Цянь как раз вошёл в азарт, когда перед его «крепостью» возникли изящные расшитые туфельки. Он медленно поднял голову...

Алое платье... Злое лицо...

— А-а-а! Ведьма пришла! — завопил мальчишка и бросился наутёк.

— Стоять, паршивец!

Су Цзычуань закатала рукава, собираясь броситься в погоню, но почувствовала, что кто-то держит её за юбку. Обернувшись, она обомлела.

Сун Ли, вымазав всё лицо её косметикой, раскрасила рот до самых ушей ярко-красной помадой и, ослабившись, спросила:

— Гляди, я теперь беленькая, как молочко?

— А-а-а-а! — взвыла Су Цзычуань и, не говоря ни слова, рванула в свою комнату.

Спустя пять минут над поместьем Юй пронёсся исполненный боли вопль:

— Мои румяна-а-а! Из «Павильона Падающего Дикого Гуся»! Одна коробка целую курицу стои-и-ит!

Су Цзыянь, как раз собиравшийся сменить мокрое полотенце на лбу Юй Чуцю, вздрогнул от этого крика, и тряпица улетела напрямиком в окно.

В зале один из торговцев так испугался, что выронил чашку. Фарфор с жалобным звоном разлетелся по полу.

— Прошу прощения... — неловко улыбнулся гость.

— Ничего страшного, бывает... — так же вымученно улыбнулся Ян Ихай, в душе проклиная свою домашнюю «катастрофу».

А на заднем дворе тем временем разворачивалась иная картина.

Су Цзычуань, чьи тонкие пальцы походили на десять разгневанных змеек, стояла над детьми. Под её длинными ногтями застряли ошметки красной помады, а сама она была готова к скорой расправе.словно разъярённое чудовище, она шаг за шагом надвигалась на притихших в углу близнецов, которые вжались друг в друга, боясь даже вздохнуть.

Через четверть часа...

Переодетые в чистое дети покорно сидели на пороге кухни. Они заворожённо наблюдали, как мрачная Су Цзычуань, согнувшись над колодцем, стирает их перепачканную одежду.

— Скучно-то как... — подперев щеку рукой, вздохнул Сун Цянь.

Су Цзычуань швырнула недостиранную рубаху на доску, вытерла руки и, обойдя детей, вынесла из кухни корзину с фасолью. Она поставила её перед ними.

Малыши молча уставились на бобы.

— Это ещё зачем? — Сун Цянь подозрительно прищурился.

— Скучно вам? Вот и чистите, — отрезала Су Цзычуань, проклиная себя за то, что не додумалась до этого раньше. — Совсем голова от усталости не варит.

Мальчик окинул фасоль презрительным взглядом.

— Чистить бобы? Это для дурачков. Не буду!

— Ах ты! — задохнулась от возмущения Су Цзычуань.

— Ну... — вставила Сун Ли, — дай нам тогда награду какую-нибудь.

— Ишь, чего захотели, — Су Цзычуань по очереди ткнула их пальцем в лоб. — Малы ещё торговаться. Ладно, наградой вам будет обед. С бобами.

Понуриив головы, близнецы принялись за работу.

Су Цзычуань развесила бельё, повязала передник и принялась разводить огонь. Дрова из-за сырости никак не хотели разгораться; она провозилась целую вечность, перепачкала руки и лицо сажей, но пламя так и не занялось.

Она, барышня из знатной семьи, хоть и была не в милости у родителей, никогда прежде не опускалась до кухонных хлопот. Работа шла из рук вон плохо. В любой другой день она бы уже всё швырнула и ушла, но сегодня терпеливо продолжала дело, стараясь быть полезной.

— Сестрица, чистить бобы тоже скучно! Расскажи сказку? — снова подал голос Сун Цянь.

Су Цзычуань закатила глаза.

— Ты не видишь, что я с печью вожусь? Не до сказок мне.

— Так огонь же уже горит, — поддакнула Сун Ли. — Да и печь ты руками разводишь, а не ртом. Как сказка тебе помешает?

— Послушайте, вы, негодники! — не выдержала Су Цзычуань. — Я с самого утра на ногах, маковой росинки во рту не было! Вы мало того что не слушаетесь, так ещё и мешаете постоянно! Если бы господин Юй не заболел, я бы и пальцем ради вас не пошевелила! Между прочим, он из-за вас и слёг! Неудивительно, что родители вас бросили!

Дети замерли. Услышав резкие слова, они покраснели, глаза их наполнились слезами, и они замолчали, не смея пошевелиться.

Су Цзычуань поняла, что сорвалась зря, но усталость брала своё. Видя, что они притихли, она принялась готовить обед, попутно поставив томиться кашу для больного. В этой суматохе она и не заметила, как близнецы, взявшись за руки, тихо выскользнули из кухни и направились к комнате Юй Чуцю.

Су Цзыянь, дежуривший у постели больного, с удивлением посмотрел на незваных гостей. Он поднялся и, подойдя к двери, прошептал:

— Идите вниз, поиграйте там. Господину Юю нужен покой. И в залу не заходите, Ян Ихай занят важным делом, не шумите.

Сун Цянь и Сун Ли, шмыгая носами, поднялись на цыпочки, пытаясь разглядеть спящего.

— У-у-у... — Сун Ли всхлипнула и, боясь потревожить тишину, поспешно зажала рот ладошкой. Она заплакала.

Глядя на сестру, Сун Цянь тоже не выдержал. Глотая слёзы, он едва слышно спросил:

— Он умрёт? Да?

— Конечно нет, — Су Цзыянь погладил их по спинам. — Господин просто простудился. Выпьет лекарство и поправится.

— Хнык... Брат Су... не обманывай нас... — Сун Ли задыхалась от плача. — Мама тоже так лежала... Я её звала-звала, а она не отвечала. А потом папа положил её в длинный ящик и увёз далеко-далеко... Я не хочу-у-у...

Она вырвалась из рук Су Цзыяня и подбежала к кровати, вцепившись в одеяло Юй Чуцю.

— А-а-а-а! — Душа в душу: заплакал один — завыл и второй.

— Тише вы.

Голос у порога прозвучал негромко, но с такой властью, что дети мгновенно замолкли. Это был промокший до костей Су Цзытянь, за спиной которого стоял лекарь.

Кивком пригласив врача войти, Су Цзытянь обратился к старшему брату:

— Уведи их. Лекарь говорит, что лихорадка может быть заразной.

— Заразной? Неужели всё так серьёзно? — Су Цзыянь побледнел. Подхватив детей на руки и что-то ласково нашептывая, он поспешил вниз.

Как раз в это время Су Цзычуань закончила с обедом и пригласила торговцев к столу. Увидев брата с детьми, она крикнула:

— Неси их в сад, я их там покормлю!

Лишь когда Су Цзычуань уложила близнецов, которые сначала плакали, потом ели, а в итоге уснули прямо за столом, она смогла вернуться к братьям. Те как раз спускались вместе с лекарем.

— Ну что там? — тревожно спросила она.

— Всё в порядке, не тиф, — ответил Су Цзытянь. — Просто сильная простуда и крайнее истощение.

Лекарь, накинув плащ, поспешил уйти под дождь.

Су Цзыянь покосился на мокрую одежду младшего брата.

— Сходи переоденься, потом поешь.

— Некогда, — Су Цзытянь схватил со стола лепешку и принялся жадно жевать. — Нужно ещё в город успеть, за лекарствами.

— Ох! — спохватилась Су Цзычуань. — Совсем забыла, господин Юй ведь ещё ничего не ел.

— Я его покормлю, — Су Цзыяннь мягко отстранил сестру и стал есть быстрее. — Тебе ещё с этими сорванцами возиться, как проснутся.

Су Цзычуань была голодна как волк. Жадно жуя, она вдруг замерла, вытерла рот и взволнованно произнесла:

— Сяо Тянь, на обратном пути купи провизии. Льёт так, будто небо прохудилось. Дней десять, а то и больше, не стихнет. Нужно запастись едой на такую ораву.

Су Цзытянь отхлебнул каши и помрачнел.

— Я понимаю, сестра... но где взять деньги? На лекаря я уже у брата Яна просил. Неудобно снова идти с поклоном. Ты же знаешь, во время наводнения цены в Чаншуге взлетают до небес.

Су Цзычуань застыла с ложкой в руке. Она рассеянно отпила глоток и глянула во двор. Там Ян Ихай, наконец завершивший сделку, вовсю принимал товар, крутясь как белка в колесе.

Немного подумав, Су Цзычуань решительно поднялась.

— Жди здесь.

Через пару минут она вернулась, сжимая в руке шелковый платок. С явной неохотой она вложила его в ладонь брата.

— На, бери. Это мои сбережения на приданое. В такое время не до жиру, пригодятся.

Су Цзытянь развернул узелок и присвистнул.

— Ого, сестрица! Вот это щедрость. Решила всё своё состояние на капусту спустить? — Он протянул руку, показывая содержимое любопытному Су Цзыянню.

— Хватит болтать! Не нравится — отдавай назад! — вспыхнула Су Цзычуань, пытаясь выхватить сверток.

Но Су Цзытянь ловко увернулся и со смехом выбежал за дверь.

Когда свечи догорели, все четверо, измотанные до предела, буквально рухнули в разных углах комнаты Юй Чуцю. Кто привалился к стене, кто замер на стуле, кто растянулся прямо на полу — сил не осталось даже на короткое слово.

Наконец Ян Ихай, превозмогая усталость, подал голос:

— Все вымотались. Идите к себе, ложитесь спать.

Трое Су, поддерживая друг друга и едва передвигая ноги, побрели к выходу. Казалось, они уснут прямо на ходу, не дойдя до постелей.

У самого порога Су Цзытянь обернулся, с трудом разлепляя веки.

— А как же господин?

— Я присмотрю, — Ян Ихай, покрасневший от недосыпа, махнул рукой, выпроваживая его.

Слова словами, но сам Ян Ихай не смыкал глаз уже вторые сутки.

Стоило Су Цзытяню уйти, как его начало «рубить». После того как он трижды приложился лбом о стол, было принято волевое решение... сменить позицию. Он пересел на край кровати Юй Чуцю.

Поправив одеяло, он принялся рассматривать спящее лицо, находившееся совсем рядом. Глупо улыбаясь, он из последних сил боролся со сном.

Прошла минута... Голова его тяжело опустилась.

Две минуты... Он уткнулся носом в покрывало, пуская слюну.

Пять минут... Стало прохладно. Поискав тепла, он, не открывая глаз, придвинулся ближе.

Через десять минут Ян Ихай, кое-как стянув с себя лишнее, юркнул под одеяло к Юй Чуцю.

«Я ложусь рядом исключительно ради него, — убеждал он остатки своего сознания. — Кто сказал, что нельзя ухаживать за больным во сне? Это бесчеловечно! Если ему что-то понадобится, он меня просто разбудит...»

«Я совершенно не виноват... Хр-р-р-р...»

Как говорится в народе: мужчине доверять — что свинье по деревьям лазать.

Так закончился этот суматошный день в поместье Юй.

<http://bllate.org/book/17540/1705267>